

Свеча заливала маленькую комнату теплым желтым светом.

Цзинпин сбросил сырую одежду и насухо вытерся полотенцем. Наряд, принесенный Ли Яо, даже на ощупь казался добротным — ткань дорогая, да и пошит будто только вчера. Ли Яо, хоть и был худощав, все же оставался взрослым мужчиной: плечи шире, да и ростом он заметно превосходил Цзинпина. На мальчишке его одеяние висело мешком, а полы и вовсе волочились по полу.

Цзинпину пришлось, точно благородной девице, бережно подхватить подол, чтобы не подмести им пыль, и мелкими шажками доползти до бронзового зеркала. Он затянул пояс потуже, а излишки ткани выпустил сверху свободным напуском. В таком виде наряд обрел легкую, небрежную элегантность. Цзинпин невольно залюбовался отражением.

«Неужели я буду выглядеть так же, когда вырасту? — подумалось ему. — А этот господин Ли на редкость хорош собой. На нем эти одежды наверняка смотрелись бы куда изящнее...»

Решив поблагодарить хозяина за гостеприимство, Цзинпин вышел на порог, но тут же замер в недоумении.

Крохотный дворик делили пополам грядки и цветочные клумбы, являя собой пример разительного контраста. С одной стороны буйно зеленела сочная, омытая ливнем капуста и прочие овощи, истекающие свежестью. С другой же ютились цветы — Цзинпин узнал хризантемы, чайные розы, гомфрену, ползучий вьюнок и стелющийся по самой земле портулак. Но все они, как один, уныло повесили головки, обреченно мокнув под дождем, словно отбывали суровое наказание.

Цзинпин только скептически скривился, разглядывая этот хаос. В этот момент через круглый проем в стене — лунные ворота — во внутренний дворик вошел пожилой слуга с лакированным коробом для еды в руках.

— Молодой господин Цзин! — старик проследил за его взглядом и добродушно усмехнулся. — Это все наш хозяин посадил. Чудно, право слово: овощи у него растут отменные, да и готовит он — пальчики оближешь, но стоит ему коснуться цветка, тот пиши пропало, тут же вянет. Будет возможность, обязательно отведайте его стряпни!

Старик болтал без умолку, перескакивая с одного на другое. Чувствовалось, что хозяин дома прост в общении и не журит прислугу за излишнюю прямооту.

— Нагрязнул секретарь Хуа, так что хозяин сейчас занят, освободиться не может. Он велел передать вам имбирный отвар — выпейте, пока горячий, согрейтесь. — Старик поглядел на затянутое тучами небо. — Сам Князь Драконов нынче буянит вовсю, так что располагайтесь поудобнее, молодой господин. В задней усадьбе есть купальня, воду уже согрели, так что позже можете помыться.

Раз уж хозяин дома был занят делами, Цзинпину оставалось лишь послушно устроиться в комнате, выпить отвар и поужинать. Времени до сна оставалось еще предостаточно, поэтому он, пройдя по крытой галерее в заднюю часть усадьбы, отыскал упомянутую стариком купальню.

Купальня ютилась в отдельной деревянной пристройке, где у стены была сложена печь для подогрева воды. По медным трубам через вентили горячий поток устремлялся в небольшой бассейн, дно которого было выложено разноцветной речной галькой. Сидя в воде, сквозь распахнутое окно он мог любоваться двумя раскидистыми грушевыми деревьями и густой бамбуковой рощицей.

Принимать ванну под мерный шум дождя — истинное блаженство. Тепло мало-помалу вытягивало из тела накопившуюся усталость, однако мысли юноши по-прежнему оставались в смятении.

В раннем детстве Цзинпин пережил страшную трагедию. Сколько он себя помнил, рядом с ним была лишь двоюродная бабушка — единственный близкий человек, с которым они делили все тяготы. Но недавно не стало и ее. Перед смертью она долго говорила с ним и наказывала во что бы то ни стало отыскать в столице Ли Яо. И вот сегодня он внезапно узнает, что тот мертв...

Последняя надежда рухнула в один миг, лишив его всяких ориентиров. Юноша не только сокрушался о безвременной кончине столь одаренного мужа, но и чувствовал себя совершенно заброшенным. Мир велик, но идти ему теперь некуда, да и ждать его больше некому.

В этот момент небеса содрогнулись от оглушительного раската грома. Цзинпин вздрогнул. В памяти смутно всплыли воспоминания: много лет назад после такого же проливного дождя он лишился родителей. Мальчик тогда бредил в тяжелой лихорадке, а над головой так же грозно рокотало, и тяжелые холодные капли колотили по лицу, не давая вздохнуть.

С тех пор он всем сердцем невзлюбил грозу. Каждый раскат грома бережил старые раны, заставляя возвращаться к туманному, пугающему прошлому. Сердце сжималось от щемящей тоски, но Цзинпин, разумеется, никогда бы не признался, что ему попросту страшно.

Он поспешно выбрался из бассейна, вытерся, оделся и, прихватив за собой в купальне, бегом вернулся во второй внутренний двор.

Еще не дойдя до лунных ворот, он услышал надрывный, сухой кашель, который никак не прекращался. Очень тяжелый и хриплый.

В главном доме уже затеплился огонек. На тонкой бумаге, натянутой на оконную раму, смутно вырисовывался силуэт. Похоже, это был «Ли Будуй».

Внезапно ослепительная вспышка молнии расколола небосвод надвое, на мгновение залив двор

безжалостным мертвенно-белым светом. Тень на окне дернулась и растаяла, словно поверженный небесной карой злой дух, а следом грохнул такой удар, будто прямо над крышей взорвался пороховой склад.

На лице Цзинпина отразилось смутение, и он поспешил к дверям. Лишь спустя пару мгновений изнутри донеслось глухое, едва различимое:

— Войди.

Ли Яо согнулся пополам от жестокого приступа кашля. Шатаясь, он пытался нащупать что-то на полках многоярусного резного шкафа, то и дело задевая расставленные безделушки широкими рукавами домашнего халата.

Цзинпин бросился к нему:

— Вы ищете лекарство? Давайте я помогу.

Ли Яо попытался показать жестом размер, отрывисто хрипя:

— Вот такое... *кхе-кхе*... флакончик из зеленого нефрита... *кхе-кхе*... Я точно помню, что оставил его... когда переодевался... *кхе-кхе-кхе*...

Приступ удушья нарастал, он хватал ртом воздух и больше не мог выговорить ни слова.

— Довольно, молчите, — Цзинпин подхватил его под локоть и усадил в кресло, после чего осторожно закатал рукав его халата.

Он намеревался показать мужчине пару точек на руке, облегчающих дыхание, но взгляд его застыл на запястье Ли Яо. Там красовался иссиня-черный браслет шириной в палец. Темный металл тускло поблескивал, и этот глубокий цвет делал тонкую кожу мужчины болезненно, почти призрачно белой. Браслет, судя по всему, носили с самого детства: юноша рос, запястье крепло, и теперь обруч сидел так плотно, что снять его без помощи кузнеца было уже невозможно.

Но причудливее всего было маленькое костяное кольцо, гладкое и отполированное, словно нефрит. Оно висело на самом браслете, закрепленное намертво еще при ковке. Когда Ли Яо сотрясал кашель, костяное кольцо тихонько билось о металл, издавая тонкий мелодичный звон.

Цзинпин почувствовал, как по спине пробежали мурашки от одного вида этого странного украшения. Он осторожно сдвинул браслет чуть выше и прижал палец к запястью Ли Яо:

— Давите сюда. Сильнее.

С этими словами он бросился к шкафу.

Ли Яо послушно нажал на указанную точку. Кашель не прекратился полностью, но удушающий спазм в горле начал ослабевать. Он задумчиво проводил взглядом суетящегося мальчишку.

«А малец-то смыслит в медицине...»

Говорили, что покойная герцогиня Синь была искусной целительницей.

— Ага, вот он! — Цзинпин, встав на колени, выудил заветный флакон из щели под самым плинтусом шкафа.

Ли Яо благодарно принял из его рук бутылочку, торопливо вытряхнул две пилюли и проглотил их без воды.

Заглянув за плечо хозяина дома, Цзинпин заметил на столе разложенный свиток с еще сырой тушью. На бумаге изящным каллиграфическим почерком было выведено: * «Блага не пропадают втуне, даже если кажутся ничтожно малыми»*.

Мальчик, хоть и умел читать, не знал скрытого смысла этих строк, но почерк его поразил — размашистый, живой, исполненный скрытой силы и изящества. Жаль только, из-за внезапного приступа кашля последняя черта в слове «малыми» оборвалась грязным мазком.

Цзинпин молча разглядывал своего спасителя. При первой встрече тот показался ему обыкновенным праздным повесой. Однако почерк — зеркало души. Разве мог недалекий бездельник вывести столь сильные, твердые линии, в которых чувствовался негибимый стержень?

«Похоже, этот повеса вовсе не так прост», — решил про себя Цзинпин.

Какое-то время оба молчали.

Юноша стоял совсем рядом с Ли Яо, и до него снова донесся тот самый едва уловимый, но такой знакомый аромат. Снаружи вовсю бушевала непогода, гремели раскаты грома, и Цзинпин поймал себя на мысли, что ему безумно хочется подольше остаться в этой теплой комнате.

Он и сам не понимал, почему незнакомый человек внушает ему такое странное чувство защищенности. Признаться в этом вслух было бы верхом позора.

Немного поколебавшись, Цзинпин бережно помог Ли Яо подняться и дойти до постели.

— Разве лекари ничего не могут сделать с этим кашлем? — спросил он, вновь беря мужчину за руку и начиная мягко массировать точки на меридиане легких.

Это прикосновение нарушало все неписанные правила приличия между едва знакомыми людьми. Ли Яо с удивлением воззрился на него: этот обычно замкнутый и осторожный паренек вдруг сам завязал разговор?

— С детства страдаю, — небрежно отозвался он. — Давно уже привык.

Стоило ему договорить, как небосвод вновь сотряс раскатистый грохот. От этого резкого звука Цзинпин невольно вздрогнул всем телом, тщетно пытаясь скрыть секундную слабость.

Ли Яо покосился на него, и на губах его промелькнула понимающая усмешка.

«Так вот оно что! Нагляделся на кладбищенские холмы на склоне... Дитя и есть дитя, темноты да покойников боится».

Он уже открыл было рот, чтобы снисходительно изречь: «К духам предков нужно относиться с почтением, но страшиться их не стоит», — но вовремя спохватился. В таком возрасте мальчишки страшно самолюбивы: стоит уличить его в трусости — мигом ошетинится, как дикий котенок.

Поэтому Ли Яо примирительно сменил тему:

— А ты неплохо разбираешься в медицине.

— Так, нахватался по верхам, — буркнул Цзинпин.

— Семейное ремесло?

— Деревенский лекарь обучил.

— А твои родные?..

Цзинпин промолчал, отведя взгляд.

Ли Яо на мгновение задумался, а затем спросил с легким любопытством:

— Что за диковинку ты прячешь на шее? Покажешь?

Цзинпин с самым бесстрастным видом посмотрел на него:

— Разговоры лишают вас сил. Помолчите и отдохните.

Ли Яо лишь покачал головой. Все его «тактичные» попытки разговорить гостя провалились. Этот мальчишка умел держать язык за зубами: на лице ни единой эмоции, и хоть твердит, что пришел отдавать долг, держится с достоинством истинного господина. Ничего путного из него вытянуть не удалось.

Впрочем, навалившаяся усталость и ноющая боль в груди давали о себе знать. Не желая спорить с упрямым отроком, Ли Яо послушно закрыл глаза и откинулся на подушки, решив подремать.

В комнате воцарилась тишина. Спустя какое-то время Цзинпин тихонько позвал:

— Вы спите?

Ли Яо не спал, но из чистого любопытства притворился спящим — хотел проверить, уйдет ли незванный гость.

Однако вместо того чтобы уйти, мальчик завожился рядом. Раздался тихий шорох одежд. Цзинпин робко придвинулся ближе, наклонился к самому плечу Ли Яо и сделал глубокий вдох, словно пытаясь уловить его запах. Ли Яо от неожиданности едва не выдал себя, но паренек тут же отпрянул, натянул на него одеяло и тихо уселся на край постели.

Ли Яо мысленно посмеялся над собой.

«И чего я перепугался? Неужто побоялся, что ребенок покусится на мою честь? Но что он сейчас делал?»

Прошло еще около получаса. Ли Яо приоткрыл один глаз и увидел, что паренек, уронив голову на сложенные у постели руки, крепко спит.

«Уморился до полусмерти, а уходить все равно боится. И впрямь до ужаса трусит из-за того кладбища».

Ли Яо бесшумно сел на постели. Из-за просторного ворота чужого халата на груди Цзинпина виднелся черный шнурок. Мужчина осторожно потянулся пальцами к завязкам, но стоило ему едва коснуться ткани, как мальчик нахмурился во сне. Ли Яо поспешно отдернул руку.

В то же мгновение Цзинпин сонной рукой зацепился за широкий рукав Ли Яо и крепко сжал пальцы.

«Поймал-таки с поличным...» — виновато подумал Ли Яо.

К счастью, Цзинпин не проснулся. Он лишь прижал пойманный рукав к щеке, сладко вздохнул, устраиваясь поудобнее, и с блаженной улыбкой на губах заснул еще крепче.

Ли Яо с любопытством склонил голову набок.

«Неужто ему так нравится запах благовоний на моих одеждах?»

Вглядываясь в умиротворенное лицо спящего мальчика, Ли Яо вдруг ощутил странный трепет. В груди крепла уверенность: перед ним именно тот ребенок, которого он спас много лет назад. И разгадка скрывалась в этом самом кольце.

Он терпеливо просидел рядом еще четверть часа. Убедившись, что Цзинпин спит беспробудным сном, Ли Яо осторожно переложил его на кровать и бережно высвободил из-под ворота кольцо из белого нефрита.

Нефрит был удивительно гладким, точно теплое сало, а на ободке темнели едва заметные бурые прожилки крови. Перебирая пальцами прохладный камень, Ли Яо погрузился в воспоминания, мысленно перенесясь в ту далекую дождливую ночь в окрестностях Синьяня... Крохотный комочек, который он когда-то подхватил на руки, вырос в этого юношу.

Они не виделись почти десять лет. Сколько невзгод выпало на его долю? Должно быть, судьба скитальца не поскупилась на испытания.

На рассвете следующего дня Цзинпин открыл глаза. Первое, что он увидел — сидевшего у окна Ли Яо, который уже успел умыться, одеться и теперь спокойно читал книгу. Сам же Цзинпин развалился на чужой постели под чужим одеялом, да еще и мертвой хваткой вцепился в нижнюю рубаху хозяина дома, точно в величайшее сокровище.

«О небеса... Вчера я ведь просто хотел побыть здесь немного дольше!»

Цзинпин пулей взлетел на постели, густо покраснев до самых кончиков ушей.

— Проснулся? Как спалось? — Ли Яо оторвал взгляд от книги, в его глазах плясали озорные искорки.

— Я... — Цзинпин густо покраснел от стыда и не знал, куда девать глаза.

Ли Яо решил проявить деликатность и прийти на помощь смущенному гостю:

— Ты ведь еще совсем дитя, так что бояться призраков — дело житейское. На том холме за домом полно заброшенных могил. Бесприютные души частенько бродят там в поисках живых...
— Тут он сообразил, что подобные разговоры едва ли успокоят юношу, и поспешно поправился:
— Впрочем, у каждого есть свои слабости. Я вот в детстве до смерти боялся скорпионов. До сих пор от одного упоминания мурашки по коже. Так что ты держись куда лучше меня.

— Да не боюсь я никаких призраков! — вскипел Цзинпин, гневно сощутив глаза.

Видя его праведный гнев, Ли Яо не удержался от смеха:

— Хорошо-хорошо, не боишься. Ты просто устал, пока следил за моим кашлем. Спасибо тебе за заботу.

От этого тона становилось ясно: хозяин дома ни единому слову не поверил и просто сюсюкает с ним, точно с капризным младенцем. Цзинпин задыхался от негодования, но понимал, что любые оправдания сделают только хуже. Обида уже готова была вылиться в глухое раздражение, как вдруг в дверь негромко постучали.

— Хозяин, — на пороге показался дядя Сунь. Увидев взъерошенного Цзинпина на постели Ли Яо, старик озадаченно моргнул, но тут же расплылся в понимающей улыбке. Мол, дело ясное: гроза ночью бушевала знатная, вот малец и прибежал прятаться от нечисти.

Цзинпин готов был сквозь землю провалиться. К счастью, дядя Сунь не дал ему окончательно сгореть от стыда и поспешно обратился к хозяину:

— Прибыл секретарь Хуа. Говорит, дело не терпит отлагательств.

Ли Яо мгновенно посерьезнел. Он закрыл книгу, поднялся и уже сделал пару шагов к выходу, но вдруг резко развернулся и подошел вплотную к Цзинпину.

— Жди меня здесь, — тихо, у самого уха юноши прошептал он. — Ты ведь искал Ли Яо? Я скажу тебе, где его найти.

В глазах Цзинпина мелькнуло потрясение.

Дыхание мужчины опалило кожу, а от близости закружилась голова, но это мимолетное замешательство скрасил знакомый теплый аромат. Не успел Цзинпин опомниться, как Ли Яо уже скрылся за дверью. В комнате остался лишь дядя Сунь, который все так же добродушно и весело поглядывал на гостя.